

в дикие страны, не задерживайтесь долго на Куку-норе... Там живут лихие непокорные тангуты. Прежде, когда у них были самодельные ружья, мы не боялись этих дикарей, теперь же вооруженные винтовками, тангуты опасны не только для маленького отряда русских путешественников, но с ними придется считаться и нашим войскам... Если же», продолжал Цинцай, «несмотря на мои доводы, вы все-таки исполните приказание начальства и пойдете на Куку-нор, то не откажите дать мне расписку в том, что не взирая на мои предупреждения и вежливые уговоры, вы, тем не менее, идете на Куку-нор и отвечаете сами, лично, за все тяжелые последствия этого опасного шага. В таком случае», закончил, китайский сановник, «я помогу успеху экспедиции по мере сил, снабдив ее переводчиком [китайского, монгольского и тибетского языков], конвоем из четырех кавалеристов, с венчестерами у седел, и, наконец, открытым листом [написанным по китайски, тибетски и монгольски] с обращением к начальникам кукунорских кочевников»...

Знакомый с подобного рода выдачей подписок, я и на этот раз удовлетворил желание строптивного чиновника...

Приняв мою искреннюю благодарность за обещанное содействие, амбань поинтересовался узнать время нашего возвращения в Синин. Услыхав, что я не намереваюсь вернуться ранее одного или даже полуторах месяцев и что в план моих работ входит исследование глубин альпийского бассейна, для чего у меня имеется лодка, цин-цай в изумлении даже вскопчил с места, а затем, овладев собою и сдерживая снисходительную улыбку, строго заметил: «вам, вероятно, не известно, что вода в Куку-норе обладает особенным свойством: в ней тонут не только камни, но и деревянные предметы, так что вся ваша затея кончится очень печально — лодка погибнет на дне озера, а вам придется возвратиться ни с чем». Я снова повторил предупредительному старику свою благодарность от лица всей экспедиции и сказал, что в поступках своих буду, как всегда, руководствоваться чувством долга и желанием служить интересам отечества и географической науки...

Сининский дао-тай или губернатор, еще более древний старик, чем цин-цай, в общих чертах, повторил мне внушения, сделанные уже его начальником. Он также убеждал меня не